

В узком переулке пахло сыростью.

Лу Жан прижал ботинком к земле парня с выжженными желтыми волосами. Схватив его за шиворот, он заставил того задрать голову.

— И какой прок умолять меня? Мы тебя пальцем не тронули, ты сам свалился.

Желтоволосый, несмотря на крепкое телосложение, буквально вжался в грязь, не смея шелохнуться. Он упирался коленями в лужу прямо перед парой кроссовок с изображением черепов.

Парень затравленно поднял взгляд и столкнулся с насмешливым взглядом.

— Пэй... Пэй Цзинь, я... я виноват. Я правда с ним не мутил, клянусь!

Он и в самом деле упал сам: когда его вели в этот переулок, он от страха запнулся и рухнул в самую грязную выбоину. Парни еще ничего не успели сделать, а он уже дрожал и молил о пощаде.

Пэй Цзинь прислонился к стене, лениво постукивая по ней пальцами. Звука почти не было, но желтоволосому казалось, будто этот ритм отбивают на его собственных ребрах.

Парень попытался отползти, но Лу Жан тут же рывком вернул его на место.

Пэй Цзинь смотрел на него сверху вниз. В его облике не было ни капли раздражения, он даже негромко рассмеялся.

— Хочешь уйти? — спросил он низким, вкрадчивым голосом.

Желтоволосый закивал так неистово, что едва не свернул шею.

Пэй Цзинь тонко улыбнулся, и в этой улыбке промелькнуло нечто демоническое:

— И его с собой не заберешь?

Он указал на другого парня, который с самого начала сидел на корточках в углу и беззвучно плакал.

Это был предыдущий «объект» Пэй Цзиня. Хотя нет, для Пэй Цзиня это слово было слишком громким. Скорее — очередная игрушка, которую он держал при себе.

Но игрушка оказалась непослушной. А за непослушание полагалось наказание.

Заплаканный парень попытался ухватиться за руку желтоволосого, но тот с силой оттолкнул его.

Пэй Цзинь небрежно усмехнулся, словно нашел во всем этом некую изысканную шутку.

— Не беру! Ни за что не беру! — вопил желтоволосый, будто боясь заразиться чумой.

Как только Лу Жан разжал пальцы, парень вскочил, толкнул своего бывшего любовника обратно в лужу и, спотыкаясь, бросился прочь из этого кошмарного места.

Лу Жан коротко свистнул ему вслед.

Оставшийся парень, всхлипывая, поднялся из грязной воды и потянулся к одежде Пэй Цзиня. Тот лишь бросил на него мимолетный взгляд.

Рука парня замерла в воздухе.

— Брат Пэй Цзинь, я не хотел, честно... Я не был с ним, правда не был...

Пэй Цзинь молчал.

Зато Лу Жан хмыкнул:

— Ну да, конечно. Просто обжимались по-дружески. Крепкая мужская дружба, понимаю.

Сарказм в его голосе можно было резать ножом.

У парня была миловидная, чистая внешность, а от слез его лицо покраснело, что придавало ему жалкий вид. Жаль только, что у Пэй Цзиня не было сердца, а это «недоразумение» задело его единственное правило.

— Ты же знаешь, — продолжил Лу Жан, — Брат Пэй терпеть не может, когда его вещи трогают чужие.

Он говорил так, будто Пэй Цзинь был каким-то ревнивым Ромео. Тот, впрочем, невозмутимо кивнул:

— Да, есть такое.

Лу Жан закатил глаза.

Парень зашелся в рыданиях.

— Я не специально! Ты долго не звал меня, а он... он бегал за мной, я даже не соглашался...

Он пытался переложить вину на другого, в его голосе даже промелькнула слабая надежда на прощение, смешанная с упреком в холодности Пэй Цзиня.

Если бы Лу Жан от скуки не заглянул в соседнюю школу и не застукал этих двоих воркующими в обнимку, Пэй Цзинь, возможно, и впрямь оказался бы «виноват». Хотя, как только у него проходил интерес, он ко всем относился одинаково холодно.

Пэй Цзинь не разозлился. Напротив, он мягко произнес:

— Не плачь.

Когда он говорил так — ласково, нараспев, — могло показаться, что он действительно сопереживает. Но его взгляд оставался ледяным и пронзительным.

Парень вздрогнул. Он вспомнил, что Пэй Цзиню нравится послушание, и тут же перестал подвывать, хотя слезы все еще катились по щекам. Лу Жана аж передернуло от этой сцены — он до сих пор не понимал странных вкусов своего друга.

— Вот так ты куда симпатичнее, — похвалил Пэй Цзинь.

Он многим говорил эти слова. Когда-то он и этому парню сказал, что ему приглянулось его лицо. Все знали, что Пэй Цзинь опасен, но каждый надеялся стать тем самым исключением. И каждый в итоге разбивался о его равнодушие.

Пэй Цзинь медленно осматривал заплаканное лицо, словно он оценивал произведение искусства.

— Испачкалось, — едва слышно прошептал он.

Парень замер.

Пэй Цзинь слегка наклонился, его изящная рука потянулась к лицу юноши, будто он собирался стереть слезы. Но в последний момент он остановил руку.

— Такое чистое лицо, — с сожалением произнес он. — А теперь грязное.

— И то, что испачкано, уже никогда не отмыть.

Пэй Цзинь коротко усмехнулся, но в следующее мгновение улыбка исчезла. Он выпрямился, и посмотрел абсолютно чужим взглядом. Повернув голову к выходу из переулочка, он встретился взглядом с хрупким юношей, застывшим в проеме.

Тот был бледен, в широко раскрытых глазах плескался чистый ужас.

Пэй Цзинь замер на пару секунд, а затем медленно улыбнулся.

Пак!

Нин Цы вздрогнул. Пакет с лекарствами выпал из рук, ударившись об землю. Не заботясь о том, чтобы поднять его, он, преодолевая слабость в ногах, развернулся и бросился прочь так быстро, как только мог. Будто он только что увидел не обычную ссору, а место кровавого преступления.

Спина мгновенно стала влажной от холодного пота.

— Кто это был? — Лу Жан не успел разглядеть лица, но к случайным прохожим, которые в ужасе убегали при виде них, он давно привык. Однако Пэй Цзинь так пристально смотрел вслед беглецу, что Лу Жан не удержался от вопроса.

— Испуганный олененок, — Пэй Цзинь азартно блеснул глазами. От недавней мрачности не осталось и следа, он даже улыбнулся, глядя на забытый на земле пластиковый пакет.

— Это карточки для работы на сегодняшнем уроке физкультуры, — староста по математике положила стопку на стол Нин Цы и с беспокойством спросила: — Ты в порядке?

Нин Цы был мертвенно-бледен. Он сжимал в правой руке ручку, но на листе перед ним не было ни единого слова. Он явно витал где-то не здесь.

Услышав вопрос, Нин Цы вздрогнул и поспешно забрал листки.

— Да, все хорошо. Спасибо.

Просто когда он бежал обратно, сердце колотилось так сильно, что теперь ныла спина и

дрожали колени. А лекарства он так и оставил там. Вспомнил об этом только в классе.

На душе было паршиво.

Староста, круглолицая девушка, не стала расспрашивать дальше, лишь повторила:

— На физкультуре решаем математику.

— Физкультура... и математика? — Нин Цы удивленно округлил глаза, перелистывая тест.

Целый экзаменационный вариант. На один урок.

Его искреннее изумление показалось девушке милым, и она пояснила:

— У нас со второго года обучения физкультуры не существует. Обычно три основных предмета — китайский, математика и английский — просто отбирают эти часы по очереди.

Нин Цы промолчал.

В его прежней школе, Средней школе при университете, учителя физкультуры были на месте в любую погоду. Даже если шел дождь, они проводили разминку в зале, не давая коллегам ни единого шанса занять их время.

Видимо, это и была та самая «пропасть» между Первой средней школой Хуайли и Средней школой при университете, о которой говорил классный руководитель.

— Кстати, тебя ведь зовут Нин Цы? — в классе было еще мало народу, и староста, которой явно хотелось поболтать, присела на стул перед ним. — Тот, кто сидел на твоём месте до тебя, вылетел в соседний класс.

Нин Цы не умел общаться с людьми, поэтому лишь напряженно уточнил:

— Из-за плохой успеваемости?

Девушка помолчала пару секунд.

— С чего ты взял? Ты разве не в курсе, что наш класс — последний в рейтинге?

Нин Цы растерялся. По поведению классного руководителя этого было абсолютно не заметно.

Староста продолжила, понизив голос:

— Дело не в оценках. Он просто перешел дорогу одному человеку.

— Наш класс — самый известный «класс отстающих» в школе. И не потому, что тут много двоечников, а потому, что у нас учится главная легенда школы.

Она таинственно вскинула подбородок.

Нин Цы огляделся. Те немногие ученики, что уже пришли, прилежно занимались.

Староста не сводила глаз с места, которое пустовало с самого утра.

— Видишь? — прошептала она. — Тот, кто сидит там, может не появляться в школе месяцами. Но лучше сдохнуть, чем разозлить его. Его методы... они просто чудовищны.

Нин Цы сглотнул. В голове всплыли кроссовки с черепами.

— Я... я не буду, — тихо сказал он.

Он и не собирался ни с кем сближаться. Перетерпеть год, выпуститься — и все, никто никого не знает.

Он снова будет один. Без друзей. Как всегда.

Староста постучала по столу:

— Тебе не интересно, что он сделал?

Атмосфера накалилась. Нин Цы смотрел на пыль, поднимающуюся от ее хлопка, и хотел зажать уши.

— Тот парень, который сидел тут раньше, всегда был в хвосте рейтинга. Так этот человек запихнул его в экспериментальный класс. Теперь тот бедолага света белого не видит из-за экзаменов, исхудал — кожа да кости.

— Ему запрещено пропускать тесты, запрещено сдавать пустые листки.

— Нельзя ни перевестись, ни бросить школу — иначе ему перекроют все пути.

— А родители еще и благодарственные письма шлют за «исправление трудного подростка».

Нин Цы поежился. Звучало действительно жестоко.

— Ты ведь из Хуайли, точно должен знать об их семье. Его фамилия Пэй, зовут Пэй Цзинь. Те самые Пэй, которые ворочают всем в городе. Даже руководство школы перед ним бессильно.

Она описывала его как злодея из дешевого романа.

— И еще, он очень...

Слово «бабник» или «гад» застряло у нее в горле — дверь класса распахнулась.

Староста краем глаза увидела высокую фигуру. Школьный пиджак накинут небрежно, в левом ухе поблескивает серьга. Владелец длинных ног уверенно вошел в кабинет.

Поняв, что ее едва не поймали на сплетнях, девушка с невероятной скоростью метнулась к своему месту и спряталась за учебником.

Нин Цы остался сидеть в полном замешательстве. Он поднял голову и увидел лицо — одновременно чужое и пугающе знакомое.

И кеды с черепами.

Нин Цы замер.

В памяти за доли секунды пронеслись кадры из переулков. Нин Цы, последовав примеру старосты, уткнулся в книгу, делая вид, что увлеченно пишет, и отчаянно молясь, чтобы его не заметили.

«Я ничего не видел, меня там не было...»

Но судьба распорядилась иначе.

Нин Цы почувствовал, что кто-то остановился прямо перед его партой. Тихий шорох пластика — и пакет лег на стол.

Капли воды с него упали на чистый бланк теста.

Разговоры в классе мгновенно стихли.

Нин Цы мертвой хваткой вцепился в ручку. Его ресницы мелко дрожали.

— Твое? — голос Пэй Цзиня звучал лениво, что совсем не вязалось с его угрожающей внешностью.

Нин Цы поднял взгляд, но смотрел куда-то в сторону, не решаясь встретиться с ним глазами.

— Да... да. С-спасибо.

Он явно боялся, и этот страх разительно отличался от того, как он выглядел минуту назад, болтая со старостой.

Как только Нин Цы потянулся к пакету, Пэй Цзинь с насмешливой жестокостью подцепил его пальцем и поднял повыше. С пакета продолжала стекать вода.

Сквозь полупрозрачный пластик отчетливо виднелись пачка обезболивающих и тюбик мази.

Капля упала на тыльную сторону ладони Нин Цы, лежавшей на столе.

Пэй Цзинь вытянул салфетку из пачки на соседней парте и накрыл ею бледную руку юноши, на которой проступали тонкие синие венки.

Даже через бумагу Нин Цы почувствовал жар его пальцев.

Это прикосновение показалось ему пугающе интимным. Он хотел отдернуть руку, но Пэй Цзинь мягко, но властно прижал ее к столу.

Казалось, Пэй Цзинь не собирался издеваться. Он просто вытер воду с его кожи и даже аккуратно повесил пакет на крючок сбоку парты, хотя и оставил на столе мокрое пятно.

Нин Цы смотрел на свою покрасневшую от трения ладонь. Он чувствовал, как бешено колотится сердце. Он непроизвольно вжался в спинку стула, пытаясь увеличить дистанцию.

Но Пэй Цзинь, напротив, оперся о край его стола, склонившись ближе и разглядывая его полное смятения лицо.

«Он убьет меня? Хочет заставить замолчать?»

Нин Цы отчаянно хотелось крикнуть: «Я правда ничего не видел!», но от страха и близости этого человека он едва стоял на ногах. Он не мог выдавить ни слова.

Белая, незащищенная шея была открыта, словно в ожидании удара.

«Надо же, как он меня боится».

Пэй Цзинь улыбнулся. Он не стал упоминать о драке. Вместо этого он спросил:

— И как ты планируешь меня благодарить?

Нин Цы замер.

Пэй Цзинь взял ту самую салфетку, которой вытирал ему руку, и принялся медленно, почти медитативно очищать свои пальцы.

— Хотя... у меня и так все есть, — задумчиво произнес он.

Нин Цы наблюдал, как тот сминает влажную бумагу в комок. Тот ловко перекачивал пальцами бумажный шарик.

Страх не отступал.

Как и говорила Нин Лань, его характер не подходил для того, чтобы заводить друзей. Слишком труслив. Он даже не мог заставить себя нормально поблагодарить человека. Чувство собственного ничтожества накрыло его с головой.

— Давай поступим так, — Пэй Цзинь бросил взгляд на пустой бланк, где еще не было вписано имя. Он легонько постучал костяшками по столу, и его низкий голос проник прямо в сознание Нин Цы: — Как тебя зовут, новый одноклассник?

— Запишем это как долг. Когда я придумаю, чего хочу, я приду за ответом.

<http://bllate.org/book/19812/1985703>